
Артем Кравченко

ДЕТИ И ПОЛИТИКА ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ: РАССКАЗ О СТАЛИНИЗМЕ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» (1985–1995 ГГ.)

В статье на основании материалов журнала «Пионер» (а также журналов «Костер» и «Трамвай») рассмотрены формы репрезентации сталинских репрессий в издании для детей периода 1985–1995 гг.: от появления первых статей, затрагивающих эту тему, и роста интереса к ней до постепенного ослабления. Автор опирается на концепцию культурной памяти Алейды Ассман. Одной из причин исчезновения нарративов о репрессиях сталинизма, согласно выводам статьи, становится то, что так и не была выработана адаптированная для детей ясная посылка и привлекательная по форме модель нарратива об опыте жизни при сталинизме. Одновременно тексты, предлагающие поучительные трактовки истории сталинского террора, уступали по своему назидательному потенциалу рассказам о более отдаленном прошлом. Вслед за всплеском общественного интереса, упоминания о сталинских репрессиях довольно быстро исчезли со страниц журнала.

Ключевые слова: журнал «Пионер», сталинизм, десталинизация, история детства

Эпоха Перестройки и первые годы существования «новой» России стали временем бурного общественного обсуждения репрессий сталинских времен. Этот период уже не раз оказывался в фокусе с самых разных сторон, но в данной статье основное внимание уделено специфической проблеме – репрезентации сталинского террора детям через ориентированные на них

Артем Владимирович Кравченко – МА, преподаватель Московской высшей школы социальных и экономических наук, Москва, Россия. Электронная почта: artemioskravchenko@gmail.com

печатные СМИ (в первую очередь – журнал «Пионер»). Дискуссия о сталинизме достигла к концу 1980-х гг. такого масштаба в советском обществе, что учащиеся школ, члены пионерской организации просто не могли ее не заметить. История превратилась в настолько проблематичную область, что в 1988 г. выпускной экзамен по этой дисциплине был заменен на собеседование (Овчинникова 1988).

Рассказ о сталинизме на страницах детских журналов в исследуемую эпоху был неизбежен, однако, одновременно необходимо было понять, каким образом строить повествование о тоталитарном прошлом для детей и как встраивать рассказ о нем в общенациональную картину прошлого. Таким образом, вопрос превращался в проблему политики памяти: формулировались задачи, связанные с оценкой, полемичной по отношению к сталинизму. Эту проблему понимали современники: в 1988 г. Михаил Гефтер, писал об образе, который использовал ранее Мартин Лютер Кинг: проламывая брешь в стене, казавшейся единственной преградой, за ней обнаруживается внутренняя стена. Эта метафора оказалась применима к ситуации десталинизации в СССР конца 1980-х гг.:

Десталинизация не может уже быть чем-то отдельным от обновления, которое в свою очередь не может ограничиться одной сферой, как бы важна она ни была <...> Тем самым обнаруживается «внутренняя стена»: неизвестность другого целого, призванного заменить сталинскую сцепку могоущества с нивелировкой и обесчеловечиванием (Гефтер 1988: 399).

По нарративам массовых журналов, ориентированных на детей, можно увидеть, как десталинизация воспринималась обществом. В рассказе осуществляется повествование о том прошлом, которое читателю неизвестно или почти неизвестно. Ребенок выступает некой *tabula rasa* с минимальным опытом памяти. В некотором смысле он представляет собой идеальное пространство для конструирования истории (конечно, ребенок может почерпнуть представления о прошлом через различные каналы, в том числе – через семейные рассказы; но все же он почти всегда – «беззащитнее» взрослого перед рассказами о прошлом). Подразумевается, что знания ребенка о прошлом минимальны, и он ничего не может противопоставить историческому нарративу. Неслучайно Морис Хальбвакс отмечал, что история начинается там, где память заканчивается (Хальбвакс 2007), а вопрос заключается в том, что именно взрослые хотят и могут рассказать о прошлом.

Хронологические рамки исследования (1985–1995 гг.) неслучайно выходят за грань периода «Перестройки». Представляется важным проследить динамику в форме и степени активности разговора о сталинском терроре в детском издании не только в период оживленной политики гласности и «официального» обличения сталинизма, но и во время структурного кризиса власти в 1991–1993 гг., и в первые годы существования РФ в новых институциональных условиях в 1994–1995 гг. Более того, несмотря на постепенное

падение тиражей, крупные детские журналы (как минимум в 1992–1993 гг.) еще могут сохранять заметное влияние на свою аудиторию.

В качестве основного источника данных взяты материалы журнала «Пионер». Журнал выходит с 1924 г. как «центральное издание» пионерского движения. Его тираж к 1970-м гг. превысил 1,5 млн экз., а с 1991 г. начался постепенный спад. К 1993 г. тираж составил уже около 120 тыс. экз., а к 1996 г. упал до почти 15 тыс. экз. Тем не менее, издание не исчезло и существует до сих пор, с 1987 г. журнал бессменно возглавлял главный редактор – Анатолий Мороз. В этих условиях ключевое влияние на редакционную политику оказывают два фактора. С одной стороны, представление редакции о том, какие ожидания существуют по отношению к изданию во властных структурах, какова «партийная линия» (как минимум – до 1990-го г.; при этом, о прямых указаниях сверху вряд ли может идти речь). С другой стороны, представление о том, какой запрос существует у читательской аудитории.

Кроме журнала «Пионер» в статье используются материалы двух других детских журналов. Первый – «Костер», один из старейших пионерских (а затем детских) журналов, который выходил с 1936 г. Как и «Пионер» он являлся центральным детским изданием с высокими тиражами: в 1989-м г. более млн экземпляров, к 1993 г. снизился до 90–100 тыс. экз., а к 1995 г. упал до 25–30 тыс. экз. Второй журнал – «Трамвай», издание, которое по своему происхождению и характеру отличалось от «Костра» и «Пионера». «Трамвай» появился только в 1990 г., выпускался издательством «Дом» и не был напрямую связан с комсомольско-пионерскими структурами. К тому же, он изначально создавался как малостраничное издание. При этом в 1990 г. его тираж достиг громадного объема – 2 млн экз., позднее, правда, тираж стремительно падает, а после 1995 г. журнал и вовсе прекращает существование. Наконец, привлечены и отдельные материалы из крупнейшей детской газеты этого периода – «Пионерская правда». Хотя речь идет о газете, а не о журнале, но в качестве дополнительного источника информации материалы представляют ценность.

Методологически исследование опирается, с одной стороны, на практику источниковедческого анализа (см., Юматов 2012), с другой стороны – на отдельные методологические приемы контент-анализа печатных медиа (см. Степанов 1995).

Настоящая статья демонстрирует, когда и как появляются на страницах рассматриваемого детского журнала тексты о сталинизме и сталинских репрессиях и почему они исчезают. В первой части рассмотрено, с какого момента и какие именно тексты о сталинизме появились в «Пионере». Обозначены условия исчезновения рассказов о предмете анализа из детских изданий, проведено сравнение с журналами «Костер» и газетой «Пионерская правда». В третьей части продемонстрировано, что политическая конъюнктура являлась не единственным фактором, влиявшим на наличие/отсутствие упоминаний о сталинских репрессиях. Наконец, предпринята

попытка определить фактор, который стал решающим в процессе исчезновения темы сталинизма из «Пионера».

От умолчания к рассказу

Прежде чем перейти к рассмотрению материалов «Пионера» за 1985–1995 гг. стоит сказать, что ценность разговора о прошлом утверждается в советских детских журналах не сразу. В 1920-е гг. в том же «Пионере» повествования о прошедшем, не связанные с революцией, проникают скорее «контрабандой». В 1930-е гг., на страницах детских изданий легитимируется ценность повествования об историческом (Кравченко 2015). Процесс такого возвращения прошлого в детские издания кажется неизбежным, поскольку, как подчеркивал Штефан Плаггенборг, именно «создание коллективных воспоминаний» выступает главной частью культуры (Плаггенборг 2000: 21), и советская культура в данном случае не была исключением. Можно предположить, что и реконструкция коллективных воспоминаний, связанная с десталинизацией, неизбежно оказывала влияние на культуру.

В первые годы перестройки в журнале «Пионер» не произошло существенных изменений, связанных с рассказом читателям о сталинской эпохе, хотя во «взрослых» СМИ после объявления гласности стали подниматься ранее табуированные темы, в том числе, история сталинизма и репрессий. На страницах «Пионера» впервые об этом пишут в конце 1988 г., когда публикуется ряд статей, связанных с дискуссией о роли Иосифа Сталина. Они выдержаны в «перестроечном» духе и апеллируют к возвращению идеалов ленинизма. В качестве примера можно привести текст «прораба перестройки» Виталия Коротича, возглавлявшего в то время «Огонек» (Быть реалистом 1988), или редакционную статью «Какой социализм нам нужен», осуждающую методы управления эпохи сталинизма (Какой социализм... 1988). Тексты эти, разумеется, выдержаны в дидактическом, то есть поучительном тоне: Сталин предстает как ключевая и единственная причина массовых репрессий. Так, у Коротича имеется следующее описание: «[в] 1929 г. Сталин начал СВОЮ перестройку. Личностью он считал только себя. За другими это право не признавал. Ему не нужны были споры, в которых рождается истина. И сама истина не нужна была тоже» (Быть реалистом 1988: 3).

В этих текстах присутствует упоминания о Владимире Ленине, который во всем противопоставляется Сталину. Более того, он предвидит опасность наступления сталинизма: «[е]ще Владимир Ильич предупреждал, куда может завести нас ложь. И она завела. Сталин уничтожал людей физически, созданная им система управления выжигала людей изнутри, подрывая веру в великие идеи революции» (Быть реалистом 1988: 3). Характерно, что материал начинается с письма ребенка-читателя – именно на его вопрос о смысле перестройки должна отвечать статья. Так же построен

и текст, основанный на беседе журналиста с Роем Медведевым (Медведев 1989) и посвященный роли Ленина в строительстве советского государства и тому, почему вождя так часто цитируют. Здесь вновь возникает фигура Сталина как противоположности Ильича:

В партии и государстве не осталось безусловного лидера. Стать им мог человек, доказавший народу, что он и только он является верным соратником, учеником и продолжателем дела Ленина. Это пытались сделать и Троцкий, и Зиновьев, и Бухарин... К сожалению, лучше всего это удалось Сталину. <...> Но цитируя Ленина, публично отзываясь о нем с огромным уважением, Сталин зачастую делал совершенно противоположное Лениным словам (Медведев 1989: 3).

В этот период появляются тексты, где при биографических описаниях упоминается тюремный, лагерный опыт авторов или героев. Так, например, в предисловии к статье Льва Разгона он представлен как «одна из жертв сталинского режима», указано, что «за его плечами 18 лет тюрем, лагерей и ссылки» (Разгон 1988: 2). Подразумевается, что общий контекст событий сталинской эпохи читателю уже известен. Сам Л. Разгон также упоминает события массового крестьянского голода, когда «не сотни, даже не тысячи, а сотни тысяч, миллионы» детей пухли от голода – и было это в то время, «когда Сталин сказал, что “жить стало лучше, жить стало веселей”» (Разгон 1988: 3). Одновременно публикуются письма от читателей, где поднимаются вопросы о сталинизме и репрессиях.

С 1989 г. в «Пионере» появляются тексты, рассказывающие о деятельности «Мемориала» (Общество памяти 1989). А в «Споре об украденном времени» Алесь Адамович призывает узнавать «правду о судьбе сталинских репрессий» и записывать «рассказы тех, кто пережил не менее страшное, чем война, – застенки сталинских “следствий”, стужу и издевательства сталинских лагерей» (Адамович 1990: 3).

Однако при возникшем обилии текстов, затрагивающих проблемы сталинских репрессий, попыток коснуться этой тематики в форме художественного текста, ориентированного на детей или подростков, нет. Есть очевидно «взрослые», серьезные публикации. Отчетливо художественной по своему характеру становится, например, отрывок из «В круге первом» Александра Солженицына. Перед текстом звучит дидактический призыв: «[ч]итай, думай, разбирайся. Словом, трудись. А как иначе? Ведь все на свете имеет свою цену, и если речь идет о нелегкой судьбе отчизны, о любви к родной стране, то эта цена – труд твоей души», – и ремарка: «[н]е удовлетворишься отрывком – прочти всю книгу» (Солженицын 1990: 2). Публикуют также «Общие тетради» (Коршунов 1989) – художественно-публицистическую зарисовку о жизни детей из Дома на Набережной. Но, несмотря на то, что в редакционном вступлении есть рассуждения о репрессиях, внутри самого повествования вопрос умалчивается.

Иными словами, в «Пионере» начиная с конца 1988 г. вопросы сталинизма и репрессий актуализируются. При этом, с одной стороны, упоминания о репрессиях встречается либо как нечто, о чем читателю в целом уже должно быть известно, либо приводятся в контексте очевидно дидактически-морализаторских, поучительных текстов. В этом смысле, характерна статья «Не сотвори себе кумира», построенная как рассказ о сталинизме, но содержащая в себе очень яркий дидактический посыл: «[х]аны, вожди, не так уж далеко от нас. Они причинили страшные бедствия нашему народу... мы должны помнить об этом и не допускать сотворения нового кумира» (Романовский 1990: 62). Далее автор переходит к проведению прямых аналогий, которые должны отсылать к актуальным для читателя реалиям: «[к]огда над людьми вознесен кумир, вождь, бард, рок-ансамбль и так далее – люди превращаются в стадо, становятся агрессивными и теряют человеческий облик» (Романовский 1990: 62). Наконец, предложен и «рецепт» лечения: «[е]сть верное средство против стадности: постоянное приобщение к культуре истинной... Молодой человек, который открыл для себя общение с книгой и природой, счастье верной дружбы, в стадо не пойдет» (Романовский 1990: 62).

От рассказа к умолчанию

Тема обличения сталинизма исчезает так же стремительно как проникает на страницы журнала: с 1991 г. текст, посвященный сталинским репрессиям, становится сложно отыскать. Одной из последних была небольшая вступительная статья к отрывку из «Мастера и Маргариты»: «власть понимала слабость и боялась любой критики, тем более критики смехом. Поэтому одних критиков уничтожали физически, других – как Михаила Булгакова – оставляли в живых, но лишали возможности писать» (Владимирова 1991: 23).

Можно предположить, что исчезновение текстов, связанных с историей репрессий и сталинизма, из «Пионера» – случайность, вызванная локальными решениями редакции именно этого журнала и, что это не отражает тенденции в других советских детских изданиях. Чтобы проверить это, имеет смысл привлечь данные журнала «Костер». Общая картина здесь схожа. Есть только небольшая хронологическая разница – первые материалы, разоблачающие сталинизм, появляются в начале 1989 г., а исчезают с середины 1991 г. «Костер» не публикует на своих страницах тексты публицистического характера, связанные с дискуссией о сталинизме, зато здесь активнее печатают письма читателей, в которых сталинизм осуждается (Мамедов 1989). Есть тексты, касающиеся репрессий сталинских времен через рассказы о биографиях известных людей. Например, история Осипа Мандельштама, которому «хватило мужества сказать горькую правду о своем времени» (Осип Эмильевич Мандельштам 1991: 8). Если

в «Пионере» публикуется материал о появлении общества «Мемориал», то «Костер» рассказывает о краеведческом кружке из Горно-Алтайской области, задачей которого стало «восстановление частных имен тех, кто пострадал от репрессий 1937–1953 годов» (Этот страшный... 1990: 12). Есть и текст, связанный с описанием сталинизма, который стоит несколько особняком (используется поэтическая форма повествования) – короткая баллада «Возвращение Максима» о судьбе незаконно репрессированного (Шумилин 1991). Впрочем, назвать этот текст попыткой художественной адаптации рассказа о сталинских репрессиях именно для детей и подростков все же сложно. Как и в «Пионере» в «Костре» преступления эпохи сталинизма часто упоминаются как нечто по умолчанию известное читателю. Показательно одно из опубликованных писем:

Вместе с другом шли мы по улице и увидели старичка, который упал на скользкой дороге. Мы помогли ему подняться и проводили домой. Когда вошли в его квартиру, и он зажег свет, мы увидели на стене портрет Сталина. Возле него стояли цветы! Я просто поражаюсь: неужели еще есть люди, которые считают этого «вождя», из-за которого погибло несметное количество людей, хорошим?! (Имеющий уши... 1990: 10).

В «Пионерской правде» тексты о репрессиях начинают появляться в 1989 г. Редакция сообщает, что в последние месяцы «пришло несколько десятков писем, в которых ребята задают самые разные вопросы, касающиеся истории нашей страны 20–50-х годов» (На крутых поворотах... 1989: 2). После этого следует интервью с историком Е. Г. Плимаком «На крутых поворотах истории», которое сфокусировано на «повороте от ленинской модели социализма к сталинской». В последующих номерах 1989 г. следует целая серия материалов, построенных по той же модели: сначала ссылка на вопрос читателя – «мне бы хотели побольше узнать о деятельности Сталина» (Расскажите о Тухачевском 1989: 2), – потом интервью с историком о том или ином «белом пятне» сталинского периода. Поток писем в редакцию с вопросами о репрессиях и сталинизме, очевидно, был значителен (Рожанский 2014). Впрочем, это не помешало вскоре исчезнуть статьям, посвященным истории сталинизма.

Истоки умолчания

В чем же можно увидеть причину того, что после короткой «вспышки» текстов о сталинизме в центральных детских изданиях, эта тема исчезает? В первую очередь, закономерно предположить, что появление текстов о сталинизме было связано с политической конъюнктурой, то есть с изменением политических условий и окончательным упадком влияния комсомола. В значительной степени это кажется верной, но все же не единственной причиной. Есть еще два обстоятельства, которые демонстрируют, что не только политическая конъюнктура повлияла на положение дел.

Первое заключается в том, что в более поздних номерах количество публикаций о сталинизме сокращается, но не исчезает мгновенно, а редуцируются до единственного контекста – описания жизни известных деятелей культуры прошлого. Эти публикации содержат, скорее, косвенные указания на исследуемую тему. Так, например, при публикации текстов Анны Ахматовой сообщается, что «в середине 20-х годов новые стихи Анны Ахматовой перестали печатать, а старые – перепечатывать. А потом и вовсе грянули нелегкие времена: ее гнали и травили, жила она в бедности» (Анна Ахматова 1994: 6). В то же время в «Пионерской правде» за 1991 г. опубликован текст о Мандельштаме, где вообще нет упоминания коснувшихся его репрессий (Добрых чувств... 1991).

Нельзя сказать, что «Пионер» после 1991 г. пытался в своем контенте сохранить линию преемственности с традициями и принципами советского периода. Его содержание по разным параметрам меняется очень сильно. Например, публикуется больше материалов о популярных поп- и рок-музыкантах, в том числе, западных. Издание недавно публиковавшее атеистические статьи с 1990 г. выпускает тексты о христианских традициях. В 1991 г. из номера в номер печатает тексты о заповедях (напр., Романовский 1991), а затем «Свет миру» отца Александра Меня с предисловием (Вехова 1991). В 1992 г. на страницах журнала помещают обращения Московского патриарха. Та же тенденция наблюдается и в материалах «Костра». В меньшем масштабе появляются сюжеты религиозной проблематики и в «Пионерской правде». К примеру, публикуются отрывки из «Света миру» А. Меня (Мень 1990), а на вопрос читателя об истоках доброты отвечает настоятель буддистского храма в Ленинграде Эрдем-Лама, который, впрочем, одновременно является народным депутатом РСФСР (Человек творит... 1990).

Второе обстоятельство, на основании которого можно говорить об исчезновении рассказов о сталинизме из «Пионера» не только как о результате изменений политической конъюнктуры, заключается в том, что нарративы о сталинских репрессиях к началу 1990-х гг. исчезают и в других детских журналах, в том числе – в новых, «несоветских» изданиях. В данном случае показателен пример журнала «Трамвай» – издания, которое значительно отличалось по своему характеру от «Пионера» и «Костра» и во главе которого стоял «беспартийный» Андрей Иванов (он же Тим Собакин). Созданный в 1990 г., «Трамвай» был менее дидактичен по своей манере, большая часть текстов носила развлекательный, игровой характер. При этом, подчеркивался разрыв с «пионерской» традицией (вплоть до публикации сатирического стихотворения Виктора Шендеровича о пионерах). Тут печаталось большое количество текстов, отсылающих к дореволюционным реалиям, произведения еще недавно подцензурных авторов. Если бы дело было только в идеологических установках сверху, то в журнале «новой волны» ситуация с освещением сталинских репрессий должна была заметно отличаться. И действительно, дидактических текстов и их осмысления в «Трамвае» ни за 1990,

ни за 1991 г. не найти. Есть лишь небольшая зарисовка о судьбе семьи Ахматовой-Гумилева, где рассказывается о репрессиях против ее членов: «четырнадцать лет провел Лев в тюрьмах и лагерях» (В семье поэтов 1991: 12). Заканчивается она пассажем, отсылающем к высшей правде: «через много лет главный судья – ВРЕМЯ – рассудил по справедливости: те, кто убил Николая Гумилева, посадили Льва в тюрьму, преследовали Анну Ахматову, ИСЧЕЗЛИ с лица земли» (В семье поэтов 1991: 12).

Таким образом, вряд ли следует утверждать, что нарративы о сталинских репрессиях исчезают из «Пионера» просто потому, что в журнале начинают избегать слишком взрослых, политизированных тем. Из трех упомянутых журналов это может быть верным разве что для «Трамвая». В «Пионере» же в 1991–1993 г. степень вовлечения в политические и государственные проблемы только увеличивается. Так, на обложке одного из номеров 1992 г. печатают карикатуру на членов ельцинского правительства – которые не отдают девочке-школьнице учебники. В 1993 г. отдельной площадкой, где постоянно появлялись злободневные политические высказывания, становится рубрика «Говори». В ней без каких-либо редакционных комментариев публикуются письма читателей. В одном из писем читатель так описывает свое восприятие текущего положения дел: «[я] читаю газеты, смотрю телевизор. Раньше думала, что все говорят правду, а оказалось... Я русская, но русских ненавижу. Ненавижу Ельцина, Горбачева. Они разрушили всю страну, они заставили голодать людей “Что же вы делаете, русские?”» (Говори 1993а: 5). В письме другой читательницы предлагаются аллюзии на оправдания Сталина: «[в] Общественную Книгу Жалоб записали не только Сталина, но и Ленина! Да, действительно, ошибки были. И у того, и у другого. Но ведь руководить огромной страной и не наделать ошибок невозможно! На ошибках, говорят, учатся» (Говори 1993б: 4). Отметим, что публиковали на страницах «Пионера» письма от читателей с различными мнениями о происходящем в стране.

Перед «внутренней стеной»

Ключевым препятствием, мешавшим нарративам о сталинском терроре найти свое место, оказалось отсутствие понятной и удобной для восприятия читателями формы репрезентации памяти жертв. Дидактические рассуждения, предлагающие поучительные трактовки истории сталинского террора, явно уступали по своему назидательному потенциалу рассказу о более отдаленном «добром» прошлом. Привычными для дидактического разговора стали сюжеты, связанные с библейской историей, историей древнего христианства (впрочем, в случае «Пионерской правды» и эта тема оказалась краткосрочной). Описания сталинского террора сохраняются в рассказах о жизни деятелей искусства – в разговоре о «творцах», вошедших в национальный канон, органично звучала тема репрессий со стороны

деспотичной власти, стремящейся к их уничтожению. Возможно, это связано с тем, что конфликт «творец – властитель» задолго до этого обрел прочное место в жизнеописаниях самых разных эпох, и тема эта редко утрачивала актуальность (Фрезинский 2008: 2).

Распространенная в 1989–1991 гг. практика публикаций текстов о репрессиях как чего-то общеизвестного также неизбежно должна была прекратиться вместе со снижением накала общественного обсуждения этой темы. Дискуссии о репрессиях появились в рассмотренных детских журналах значительно позднее, чем во взрослых изданиях, и не задержались на страницах детских СМИ надолго. На смену рассказу о терроре пришли более «актуальные» политические вопросы и проблемы. Примечательно, что согласно выводам Гасана Гуссейнова, в конечном итоге к началу 2000-х гг. в России произошла замена в общественном сознании причины «коллективной травмы»:

Настоящая травма – десятилетний несвободы, физического истребления целых сословий, поголовных депортаций народов, бессудных и незаконных расправ над людьми под любыми предлогами – подменена свежей эмоциональной травмой распада государственной машины (Гусейнов 2008: 87).

Одна из причин, способствовавшая подобному положению дел, заключалась в существовании в обществе консенсуса относительно того, как говорить о «разрухе 1990-х» и к каким выводам эти дискуссии должны приводить. В том, что касается репрессий сталинизма, такой консенсус, как представляется, сложиться не успел. Алейда Ассман замечает:

Пока память преступников заключена в сконцентрированной на себе национальной памяти, стратегии отрицания вины и героических ценностях чести, положительные представления о себе полностью будут препятствовать принятию негативных компонентов памяти (Ассман 2014: 120).

Это препятствие имело место и в России начала 1990-х гг., а альтернативной модели политики памяти о сталинизме так и не было сформировано.

Внятной причины того, зачем в детском журнале следует говорить о сталинских репрессиях, не было найдено. Удачная форма такого повествования также найдена не была. О чем именно должен быть рассказ, связанный с периодом репрессий, и как его построить? Чему он может научить читателя-ребенка или какой вопрос перед ним поставить? Анализ публикаций журналов показывает, что внятной формулировки ответов на эти вопросы так и не удалось найти. Сталин предстал то главным обманщиком, запутавшим последователей Ленина, то самостоятельной разрушительной силой. В ситуации слома «внешней стены» люди, издававшие «Пионер», столкнулись с «внутренней стеной», о которой писал Гефтер (Гефтер 1988: 399), и не смогли преодолеть ее в тот момент, когда

возможности для формирования политики десталинизации были высоки. Память о жертвах репрессий не смогла найти себе места на страницах детского журнала.

Список источников

Адамович А. Спор об украденном времени // *Пионер*. 1990. (2): 2–3.

Ассман А. *Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Анна Ахматова // *Пионер*. 1994. (7): 6.

Быть реалистом // *Пионер*. 1988. (10): 1–3.

В семье поэтов // *Трамвай*. 1991. (8): 12.

Владимирова Е. Похвальное слово в честь Мастера // *Пионер*. 1991. (7): 22–24.

Вехова В. Об отце Александре // *Пионер*. 1991. (7): 58–59.

Гефтер М. Десталинизация // Ю. Н. Афанасьев, М. Ферро (ред.) *50/50: Опыт словаря нового мышления*. М.: Прогресс, 1988: 394–400.

Говори // *Пионер*. 1993а. (1): 5.

Говори // *Пионер*. 1993б. (11–12): 4.

Гусейнов Г. Ч. Язык и травма освобождения // *Новое литературное обозрение*. 2008. (94): 30–147.

Добрых чувств на земле пять // *Пионерская правда*. 1991. (6): 4.

Имеющий уши, да услышит // *Костер*. 1990. (12): 10.

Какой социализм нам нужен // *Пионер*. 1988. (9): 2–4.

Коршунов М. Общие тетради // *Пионер*. 1989. (4): 12–20.

Кравченко А. В. Нарративы о прошлом в журнале «Пионер» 1920–1930-х гг.: возвращение исторического // М. Г. Пугачева (ред.) *От формирования ценностей к избранию традиций*. М.: МВШСЭН, 2015: 89–101.

Мамедов М. Что я знаю о Сталине // *Костер*. 1989. (4): 22–26.

Медведев Р. Цитаты и жизнь // *Пионер*. 1989. (4): 2–3.

Мень А. Свет миру // *Пионерская правда*. 1990. (154): 3.

На крутых поворотах истории // *Пионерская правда*. 1989. (5): 2.

Овчинникова И. Экзамен отменен. История остается! // *Известия*. 1988. (163): 1

- Общество памяти // *Пионер*. 1989. (5): 2.
- Оля Балыкина // *Пионер*. 1962. (5): 11–20.
- Осип Эмильевич Мандельштам // *Костер*. 1991. (1): 8.
- Плаггенборг Ш. *Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма*. СПб: Нева, 2000.
- Правда, а не красивые лозунги // *Костер*. 1990. (1): 14–15.
- Разгон Л. Творить благо... // *Пионер*. 1988. (12): 2–4.
- Расскажите о Тухачевском // *Пионерская правда*. 1989. (89): 2.
- Рожанский М. Я. (ред.) *Письма об истории и для истории*. Иркутск: Центр независимых социальных исследований и образования, 2014.
- Романовский С. Не сотвори себе кумира // *Пионер*. 1990. (7): 62–63.
- Романовский С. Священные слова // *Пионер*. 1991. (1): 62–64.
- Солженицын А. И. Из романа «В круге первом» // *Пионер*. 1990. (4): 2–4.
- Степанов А. С. *Метод контент-анализа и производные принципы в исследовании актуальных проблем современного общества*. М.: МГУ, 1995.
- Степанов В. То, чего не было в книге // *Пионер*. 1960. (2): 24–25.
- Фрезинский Б. Я. *Писатели и советский вожди*. М.: Эллис лак, 2008.
- Хальбвакс М. *Социальные рамки памяти*. М.: Новое издательство, 2007.
- Хочу знать правду обо всем // *Пионер*. 1988. (11): 1.
- Человек творит себя сам // *Пионерская правда*. 1990. (72): 2
- Шумилин В. Возвращение Максима // *Костер*. 1991. (2): 3.
- Этот страшный 1937 // *Костер*. 1990. (1): 12.
- Юматов К. В. К проблеме источниковедческого анализа периодической печати периода Перестройки по истории армяно-азербайджанского этнополитического конфликта // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2012. (3): 100–105.

Artem Kravchenko

CHILDREN AND DE-STALINIZATION POLICIES: NARRATIVES ABOUT STALINISM IN THE PIONEER MAGAZINE, 1985–1995

This article, based on materials from the magazine ‘Pioneer’ (with additional data from the *Koster* and the *Tramway* magazines), looks at narrative transformations in the representation of the totalitarian past and the Stalinist purges, specifically with regards writing published for children between 1985 and 1995. This starts with the emergence of the first texts on the subject to their peak of popularity, culminating with the gradual fall of interest in this theme. The author draws on the cultural memory conception of Aleida Assmann. According to the author’s findings, one of the key reasons for the disappearance of the narratives about Stalinism in Russian children’s magazines had been the lack of a clear and attractive narrative model, adapted for children, that could represent the memory of Stalinist repressions. Narratives about Stalinism were clearly less suitable for didactic storytelling than narratives about ancient epochs. That is why, following a surge of interest, articles about the repressions soon disappeared from the magazine’s pages.

Key words: Pioneer magazine, Stalinism, de-Stalinisation, Soviet childhood, Public history

References

- Adamovich A. (1990) Spor ob ukradenom vremeni [Arguments over Stolen Time]. *Pioner* [Pioneer], (2): 2–3.
- Anna Achmatova [Anna Achmatova] (1994) *Pioner* [Pioneer], (7): 6.
- Assmann A. (2014) *Dlinnaya ten proshlogo. Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika* [The Long Shadow of the Past. Memorial Culture and Historical Policy], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Byt' realistom [To be a Realist] (1996) *Pioner* [Pioneer], (10): 1–3.
- Chelovek tvorit sebja sam [Man Creates Himself] (1990) *Pionerskaja Pravda* [Truth for Young Pioneers], (72): 2.
- Dobrykh chuvstv na zemle pyat' [There are Five Good Feelings on Earth] (1991) *Pionerskaja Pravda* [Truth for Young Pioneers], (6): 4.
- Etot strashnyj 1937 [This Frightening 1937] (1990) *Koster* [Bonfire], (1): 12.
- Frezinskij B. Ya. (2008) *Pisateli i sovetskij vozhd'i* [Writers and Soviet Leaders], Moscow: Ellis lak.
- Gefter M. (1988) Destalinizatsia [De-Stalinisation]. Y.N. Afanasiev, M. Ferro (eds.) *50/50: Opyt slovarja novogo myshlenija* [An Attempt towards a Dictionary of New Political Thinking], Moscow: Progress: 394–400.
- Govori [Speak!] (1993) *Pioner* [Pioneer], (1): 5.
- Govori [Speak!] (1993) *Pioner* [Pioneer], (11–12): 4.

- Guseinov G. (2008) Yazyk i travma osvobozhdenija [The Language and Trauma of Liberation]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], (94): 30–147.
- Halbwachs M. (2007) *Socialnye ramki pamjati* [Social Frameworks of Memory], Moscow: Novoye izdatelstvo.
- Imeyushchij ushi da uslyshit [He, that hath Ears to Hear, let him Hear] (1990) *Pioneer* [Pioneer], (12): 10.
- Kakoy socializm nam nuzhen [What Kind of Socialism do we Need] (1988) *Pioneer* [Pioneer], (9): 2–4.
- Korshunov M. (1989) Obshchie tetradi [Writing books]. *Pioneer* [Pioneer], (4): 12–20.
- Kravchenko A. V. (2015) Narrativy o proshlom v zhurnale "Pioneer" 1920–1930-kh gg. [Narratives about the Past in the Pioneer Magazine of 1920–1930s]. M. G. Pugacheva (ed.) *Ot formirovaniya cennostej k izobreteniju tradicij* [From the Organization of Values to Invention of Traditions], Moscow: MSSES: 89–101.
- Mamedov M. (1989) Chto ya znayu o Staline [What I know about Stalin]. *Pioneer* [Pioneer], (4): 22–26.
- Medvedev R. (1989) Citaty i zhizn' [Quotations and Life]. *Pioneer* [Pioneer], (4): 2–3.
- Men A. Svet miru [Light for the World]. *Pionerskaja Pravda* [Truth for Young Pioneers], (154): 3.
- Na krutikh povorotakh istorii [On the Sharp Turns of History] (1989) *Pionerskaja Pravda* [Truth for Young Pioneers], (5): 2.
- Obshchestvo pamyati [Association of Memory] (1989) *Pioneer* [Pioneer], (5): 2.
- Osip Emilevich Mandelstam [Osip Emilevich Mandelstam] (1991) *Koster* [Bonfire], (1): 8.
- Ovchinnikova I. (1988) Ekzamen otmenen. Istorija ostaensia [The Exam is Abolished. History Remains]. *Izvestija* [News], (163): 1.
- Plaggenborg S. (2000) *Revoljucija i kul'tura. Kul'turnye orientiry v period mezhdru Oktyabr'skoj revoljuciej i epokhoj stalinizma* [Revolution and Culture. Cultural Guidelines in the Period between the October Revolution and the Stalinist Age], Saint Petersburg: Neva.
- Razgon L. (1988) Tvorit' blago... [Doing the Good...]. *Pioneer* [Pioneer], (12): 2–4.
- Rasskazhite o Tukhachevskom [Tell us about Tukhachevsky] (1989) *Pionerskaja Pravda* [Truth for Young Pioneers], (89): 2.
- Romanovskiy S. (1990) Ne sotvori sebe kumira [Thou shalt not Make unto Thee any Graven Image]. *Pioneer* [Pioneer], (7): 62–63.
- Romanovskiy S. (1991) Svjashchennye slova [Sacramental Words], *Pioneer* [Pioneer], (1): 62–63.
- Rozhanskiy M. Ya. (ed.) (2014) *Pisma ob istorii i dlja istorii* [Letters about History and for History], Irkutsk: Centr nezavisimyh socialnykh issledovanij i obrazovaniya.
- Shumilin M. Vozvrashchenie Maksima [Return of the Maxim], *Koster* [Bonfire], (2): 3.
- Solzhenitsyn A. I. (1990) Iz romana «V krughe pervom» [From the Novel "In the First Circle"]. *Pioneer* [Pioneer], (4): 2–4.
- Stepanov A. S. (1995) *Metod kontent-analiza i proizvodnye principy v issledovanii aktualnykh problem sovremennogo obshhestva* [Method of Content Analysis and Derivate Disciplines in Studies of Accrual Problems of Modern Society], Moscow: Moscow State University.
- Yumatov K. V. (2012) K probleme istochnikovedcheskogo analiza periodicheskoy pechati perioda Perestrojki po istorii armyano-azerbajdzhanskogo etnopoliticheskogo konflikta [On the Issue of Source Analysis of Periodic Print Media Publications During the Perestroika Period Concerning the History of Armenian-Azerbaijan Conflict]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta* [Herald of Tomsk State University for the Pedagogy], (3): 100–105.
- V sem'e poetov [In the Poets' Family] (1991) *Tramvaj* [Tramway], (8): 12.
- Vekhova V. (1991) Ob otce Aleksandre [About Father Aleksandr]. *Pioneer* [Pioneer], (7): 8–59.
- Vladimirova E. (1991) Pokhvalnoe slovo v chest Mastera [Praise to the Master]. *Pioneer* [Pioneer], (7): 22–24.